

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В. А. Томсинов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ*

ХРИСТИАНСКАЯ ДОКТРИНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. А. КАМАРОВСКОГО

В статье рассматривается христианская доктрина международного права в российском правоведении XIX — начала XX в., сформулированная в произведениях Л. А. Камаровского. Христианское мировоззрение позволило русскому правове-ду увидеть в международном праве свойства, выражающие главные закономерности этого, одного из самых грандиозных в жизни человеческого общества явления, составляющие то, что можно назвать идеологией международного права.

Ключевые слова: российское правоведение, международное право, христианская доктрина, Л. А. Камаровский.

The article deals with the Christian doctrine of international law in the Russian jurisprudence of the XIX — early XX centuries, formulated in the works of L. A. Kamarovsky. The Christian worldview has allowed the Russian jurist to see in the international law the features expressing the main regularities of this one of the most grandiose phenomena in life of human society, making that it is possible to call ideology of the international law.

Keywords: Russian jurisprudence, international law, Christian doctrine, L. A. Kamarovsky.

Христианство в идее и в своих заповедях выразило то, что международное право стремится передать на языке юридическом.

Л. А. Камаровский. Основные вопросы науки международного права

1

Профессор юридического факультета императорского Московского университета Леонид Алексеевич Камаровский (Комаровский) (1846—1912)¹ был ученым энциклопедического характера и оставил

* tomsinov@yandex.ru

¹ Биографический очерк о графе Л. А. Камаровском см.: *Томсинов В. А.* Леонид Алексеевич Камаровский (1846—1912) // *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII—XX веков: Очерки жизни и творчества: В 3 т. М., 2015. Т. 1. С. 167—192.

после себя огромное творческое наследство — более 200 книг, статей, очерков. Ряд своих работ он посвятил различным аспектам внутренней политической жизни современной ему России, а именно: конституционному праву, парламентаризму, правительственной власти, политическим партиям. Писал он и о внешней политике России, о ее взаимоотношениях с балканскими государствами Сербией и Болгарией. Публиковал статьи и по проблемам университетского преподавания. Но самой значительной частью его научного наследия, как по объему, так и по идейному содержанию, являются труды по вопросам международного права и международной жизни². По словам С. А. Котляревского, международное право «составляло не только предмет занятий гр[афа] Л[ео니다] А[лексеевича], но, можно сказать, предмет глубокой веры и преданности»³.

В центре внимания Л. А. Камаровского как ученого стояли почти все главные вопросы науки международного права: сущность, объективные условия и формы существования международного права, его система, права государства, вытекающие из суверенитета, — на сохранение, на развитие и на равенство, средства и способы разрешения международных споров, идея международного суда, проблемы международной организации. Но главной темой всего его творчества в области науки международного права была идея мира. «От каждого критического и беспристрастного ума, — писал он, — не может укрыться та истина, что чем выше подымается уровень нравственно-го и умственного развития человечества, совершеннее в смысле свободы и прочности слагается организация государств, тем в большее противоречие со всем этим становится война. Особенно вопиющим, резким диссонансом является она в наше время среди общества, столь высоко стоящего по своей культуре, да еще желающего именоваться христианским»⁴.

Утверждение во взаимоотношениях государств «возможно справедливое и прочное мира посредством особой, международной организации» русский правовец считал основной целью международного права. При этом он оговаривался, что под миром надо понимать «не утопию вечного, т. е. всеобщего и непрерывного мира на земле, а мира, понимаемого лишь как юридический принцип». «Это нечто гораздо более конкретное, определенное, но зато и более ограниченное, и вполне осуществимое, — пояснял он. — Установление такого

² Наиболее полный список опубликованных работ Л. А. Камаровского см.: *Яценко А. С.* Граф Л. А. Камаровский. Жизнь и научная работа // Изв. м-ва иностранных дел. 1913. Кн. 1. С. 129—134.

³ *Котляревский С. А.* Несколько слов памяти гр. Л. А. Камаровского (1846—1912) // Юридический вестник. 1913. Кн. 4. С. 222.

⁴ *Камаровский Л. А.* Война или мир? Одесса, 1895. С. 8—9.

мира — прямая и благороднейшая задача. Настанет ли же после этого более широкий и вечный мир на нашей планете, — на это ответят лишь будущие и, вероятно, отдаленные века»⁵.

Л. А. Камаровский не только исследовал проблемы международно-правовой науки, но и предпринимал усилия для создания того, что можно назвать идеологией современного международного права. Он понимал, что невозможно построить прочный международный правопорядок в условиях, когда каждое государство действует на мировой арене, руководствуясь исключительно собственными интересами, и потому высказывал убеждение: «На место интересов лишь политических каждого конкретного государства, — что ведет к общей вражде и анархии, или же к временным и искусственным компромиссам, — надо в основание положить начала международного права, которые, уважая независимость и самобытность народов, соединяют их как членов человечества в одно высшее и живое целое»⁶.

Для обнаружения и определения этих начал необходимо, считал Камаровский, «обращаться не за помощью дипломатов, а прислушиваться к общественному мнению», дав ему возможность выразиться с полной откровенностью. Вместе с тем прообраз общепризнанных и потому общеобязательных начал международного права, способных положить конец беспрестанной вражде государств друг с другом, русский правовед усматривал в христианской религии. По природе своей космополитичное и универсальное, христианство этим «составляет резкую противоположность языческим религиям, которые все были национальны, — отмечал он. — Хотя не оно прямо и непосредственно создало международное право, но оно, в числе других факторов, более всего для него проложило и расчистило почву в силу того глубокого внутреннего сродства, которое существует между его идеями и заповедями, с одной стороны, и началами международного права, с другой»⁷.

Ученик Л. А. Камаровского А. С. Яценко, ставший видным специалистом в области международного права, определяя место своего учителя в истории науки международного права, писал в биографическом очерке о нем, что граф Камаровский в общих воззрениях на систему и принципы международного права являлся «представителем религиозно-философского направления»⁸. Думается, это не совсем правильная оценка вклада Л. А. Камаровского в науку международного права. Обращая внимание на внутреннее сродство между принципами христианской религии и идеями международного пра-

ва, Леонид Алексеевич делал оговорку: «Но с другой стороны, международное право как система юридическая не отождествляется ни с религиею, ни с моралью, а покоится на самостоятельных принципах права. Оно призвано постепенно распространиться и на все другие народы земли, по мере их доростания до понимания его сущности и назначения»⁹ (выделено мною. — *В. Т.*).

Камаровский рассматривал международное право не с религиозной или философской точки зрения, а с юридической. Поэтому и прогнозировал его распространение на народы, исповедовавшие другие религиозные верования, существенно отличавшиеся от христианской религии. Значение христианства для международного права он видел не в религиозном его содержании, а в идейном, мировоззренческом. Христианство не создало международного права, неоднократно подчеркивал Камаровский, — но сыграло огромную роль в формировании той культурной, духовной общности между народами, которая стала необходимым объективным условием его существования. «Христианство в идее и в своих заповедях выразило то, что международное право стремится передать на языке юридическом»¹⁰, — отмечал он.

В числе христианских идей, способствовавших возникновению духовной общности между народами, на почве которой произошло международное право, Камаровский называл в первую очередь идею единства всего человечества. Во-вторых, идею братства всех людей. По христианскому учению, пояснял русский правовед, «все люди, как сыны Божии, между собою братья, без всякого различия национальности, класса, состояния и вообще положения в свете»¹¹. В-третьих, вытекающую из первых двух идею мира. «Христианство есть возвышеннейшая на земле проповедь о мире»¹², — подчеркивал он.

Не сливаясь с нормами и принципами международного права, сохраняя обособленность от них, духовные ценности христианства способствовали укреплению международного правопорядка воздей-

⁹ Камаровский Л. А. Основные вопросы науки международного права // Учен. зап. императорского Моск. ун-та. Вып. 10. М., 1895. С. 57.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Эту мысль Камаровский достаточно подробно аргументирует конкретными ссылками на канонические христианские тексты в работе «Идея мира и Церковь». «По Евангелию, — заключает он, — заповедь о мире должна быть отнесена к основному для всех христиан. Не только о том свидетельствуют весь его дух, но и множество текстов, ясный смысл которых никак не могут подорвать некоторые как бы противоречащие им места и факты». «Заповедь о мире повторяется также неоднократно и настойчиво апостолами, — продолжает Леонид Алексеевич. — В своих посланиях они этим словом приветствуют верных, видят основание истинного мира в Боге и даже называют все проповедуемое ими учение словом, служением примирения» (Камаровский Л. А. Идея мира и Церковь. М., 1899. С. 4, 6).

⁵ Камаровский Л. А. Об основной задаче международного права. М., 1898. С. 3.

⁶ Камаровский Л. А. Война или мир? С. 22.

⁷ Камаровский Л. А. Международное право. М., 1900. С. 8.

⁸ Яценко А. С. Указ. соч. С. 123.

ствием на него в качестве выражения нравственной силы. «Не подлежит сомнению, что никакое прочное улучшение международных сношений немислимо без поднятия уровня как в правителях, так и в народах политической нравственности»¹³, — указывал Камаровский, добавляя при этом: «Нравственность в свою очередь получает самое глубокое и прочное основание в религии»¹⁴.

Выступая 12 марта 1903 г. в Епархиальном доме в Москве с публичной лекцией о высокой значимости христианской нравственности для нормальных международных отношений, Л. А. Камаровский говорил: «Как бы ни были совершенны — а они так далеки от этого — наши законы и государственные учреждения, они всегда нуждаются в поддержке их со стороны нравственности. И это в двояком направлении: нравственность предшествует праву в жизни и сознании людей, восполняет его пробелы и недостатки; во-вторых, она углубляет самый смысл высказанных в нем идей, обеспечивает последним практическое применение и подготавливает их улучшение в будущем. В последнем основании все общежитие людей во всех его формах — от семьи до международного союза — покоится не на принуждении, а на одушевляющем их нравственном принципе. Но, говоря об этом принципе, мы разумеем нравственность не автономную, отправляющуюся от идеи о человеке как существе разумном и только земном, а нравственность христианскую, черпающую свои начала из откровения. Из всех предложенных донныне систем морали она является и наиболее глубокою по идее и наиболее применимою к практической жизни»¹⁵.

2

Христианское мировоззрение позволило Л. А. Камаровскому увидеть в международном праве свойства, выражающие главные закономерности этого, одного из самых грандиозных в жизни человеческого общества явления, составляющие то, что можно назвать идеологией международного права. Но Леонид Алексеевич был не только ученым с ярко выраженным христианским стилем мышления — он являлся христианином по своему воспитанию, складу характера и образу жизни. А. С. Яценко, лично знавший его и много с ним общавшийся, счел необходимым отметить в своих воспоминаниях: «Гр[аф] Камаровский был необычайно правдив и бесхитростен, очень внутренне честен. Эта бесхитроственность придавала ему в жизненных отношениях

¹³ Камаровский Л. А. Основные вопросы науки международного права. С. 55.

¹⁴ Там же. С. 56.

¹⁵ Камаровский Л. А. Христианская нравственность и международные сношения // Вера и Церковь. Духовный богословско-апологетический журнал. 1903. Кн. 5. С. 810–811.

постоянный милый оттенок чего-то старинного, аристократического и простого, несколько наивного в наше сложное время среди политического и общественного лукавства. Он был очень религиозной натурой и верующим христианином, вполне преданным заветам православной церкви. Никакого важного дела он не начинал без молитвы и пред всяким решительным шагом в своей жизни он шел помолиться к иконе Иверской Божьей Матери. Он постоянно находился в тесных дружественных отношениях со многими высшими иерархами русской церкви, особенно с бывшим ректором Московской духовной академии, доктором богословия высокопреосвященным Арсением, архиепископом новгородским и членом Государственного Совета, и с серпуховским викарным епископом Анастасием»¹⁶.

Упомянутый Арсений (Стадницкий) в 1900 г. являлся епископом волоколамским. 2 октября он записал в своем дневнике о посещении «почтеннейшей и добрейшей» семьи Камаровских: «С удовольствием провели у них два часа. Такие семьи — редкость. Веет от нее такую чистоту, искренностью, благорасположением, что сам как-то становишься возвышеннее»¹⁷.

Графа Камаровского архимандрит Арсений назвал в приведенной дневниковой записи «идеальнейшим и глубоко религиознейшим» человеком. Эта характеристика полностью совпадает с мнением А. С. Яценко, который писал о Камаровском: «Его умеренный, почти аскетический образ жизни, его глубокая религиозность в связи с неизменной сердечной простотой и сам внешний облик его, с добрым и в то же время суровым, несколько неподвижным, сухим лицом аскетической складки, давали впечатление, я сказал бы, некоторой святости и невольное вызывали в душе представление о старинных русских угодниках»¹⁸.

* * *

Леонид Алексеевич Камаровский родился 15 марта 1846 г. в Казани в дворянской семье. Род русских дворян Камаровских (Комаровских) происходил от выходца из Польши Павла Прокофьевича Комаровского, который, согласно записи в Писцовых книгах Новгородской земли, владел здесь в 1626 г. поместьем. Прадед Л. А. Камаровского — Федот Афанасьевич Комаровский (1728–1776) — в молодости своей служил в Санкт-Петербурге чиновником дворцовой канцелярии, после выхода в отставку поселился в Ухотской волости. Он был женат

¹⁶ Яценко А. С. Граф Л. А. Камаровский. Жизнь и научная работа. С. 121.

¹⁷ Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник. Т. 1: 1880–1901. По материалам ГАРФ. М., 2006. С. 360.

¹⁸ Яценко А. С. Указ. соч. С. 121.

на Ульяне Ивановне Зиновьевой (1732–1770). Их сын и дед Леонида Алексеевича — Евграф Федотович Комаровский (1769–1843) — посвятил свою жизнь военной службе. В царствование Павла I он был возведен в чин генерал-майора (в 1799 г.), а при восшествии на престол Александра I стал его генерал-адъютантом. В 1816 г. Е. Ф. Комаровский был назначен командиром Отдельного корпуса внутренней стражи и получил чин генерал-лейтенанта. В 1828 г. он стал сенатором и был удостоен чина генерала-от-инфантерии. В апреле 1829 г. ему пришлось уйти в отпуск для излечения от болезни. На этом завершилась его государственная служба. Последние годы жизни Евграф Федотович провел в своем имении села Городище, располагавшемся в Орловской губернии. Здесь он и умер в 1843 г.

Женой графа Е. Ф. Комаровского была Елизавета Егоровна Цурикова (? — 1847). У них родилось пятеро сыновей: Егор (1803–1875), Александр (1808–1813), Владимир (1809–1813), Павел (1812–1873) и Алексей (?–1895), а также трое дочерей: Авдотья (1805–1807), Анна (1806–1872) и Софья.

Отец Л. А. Камаровского — граф Алексей Евграфович — получил хорошее образование. По завершении обучения в пансионате профессора М. П. Погодина он окончил Санкт-Петербургский университет. Затем состоял на государственной службе, но карьеры здесь себе не сделал. Не принесла ему большого успеха и его деятельность в хозяйственной сфере. Более того, в конечном итоге Алексей Евграфович совершенно разорился и оказался безнадежным должником.

Женой А. Е. Камаровского являлась Аделаида Альбертовна Пирх, дочь казанского помещика, немца по происхождению, барона Альберта Карловича Пирха. Леонид был первенцем среди детей, рожденных в их семье. Через год после его рождения на свет появилась дочь — Аполлинария Алексеевна¹⁹, а два года спустя родился еще один сын — Ипполит Алексеевич²⁰.

Начальное образование дети Алексея Евграфовича и Аделаиды Альбертовны получали дома. В его основе лежало изучение иностранных языков, как древних, так и современных. Леонид с детства учился читать с помощью приглашенных учителей на латыни и древнегреческом языке, а со своими гувернерами — немцем и французом по национальности — осваивал немецкий и французский языки. Позднее он выучит также английский и итальянский языки. Вместе с тем Леонид занимался с домашними учителями древнеримской литературой, историей, географией и другими предметами, составляв-

шими гимназическую программу. По замечанию А. С. Яценко, «в религиозном отношении его воспитание очень внимательно руководилось его матерью, глубоко преданной заветам православной церкви и передавшей свою религиозность и своему сыну»²¹.

В 1864 г. Леонид Камаровский сдал экстерном в 1-й Казанской гимназии экзамены за весь курс гимназического обучения и поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. В то время здесь преподавала целая плеяда видных русских ученых. Так, лекции по русской истории читал студентам 1 курса юридического факультета профессор Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879). Историю русского законодательства преподавал на 2 курсе профессор Иван Дмитриевич Беляев (1810–1873). Он отличался доскональным знанием архивных документов, его лекции были довольно монотонными по форме изложения, но этот недостаток сполна компенсировался их содержательностью.

Государственное право преподавал студентам-юристам 2 курса известный ученый и публицист профессор Борис Николаевич Чичерин (1828–1904), автор таких научных трудов, как «Областные учреждения России в XVIII веке» (М., 1856), «О народном представительстве» (М., 1866).

Лекции по истории и догме римского права читал студентам-юристам Никита Иванович Крылов (1807–1879), науку уголовного права преподавал Сергей Иванович Баршев (1808–1882), который во все время учебы Леонида Камаровского в Московском университете являлся ректором Московского университета.

Полицейское право читал студентам-второкурсникам профессор Василий Николаевич Лешков (1810–1881), занимавший в 1863–1872 гг. должность декана юридического факультета. Начиная же Лешков свой путь в науке на поприще международного права²². В 1841 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «О морском торговом нейтралитете». Ее текст был в том же году издан отдельной книгой под названием «Историческое исследование начал нейтралитета относительно морской торговли». В 1847 г. была опубликована речь В. Н. Лешкова «О древней русской дипломатии», произнесенная им в торжественном собрании Московского университета.

Лекции по международному праву читал на 4 курсе юридического факультета Московского университета профессор Михаил Николаевич Капустин (1828–1899). В 1853 г. он защитил диссертацию «Дипло-

²¹ Яценко А. С. Указ. соч. С. 117.

²² См. о В. Н. Лешкове как специалисте в области международного права: *Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / Под ред. У. Э. Батлера, В. А. Томсинова. М., 2005. С. 352–363.

¹⁹ Сестра Леонида Алексеевича Аполлинария Алексеевна Комаровская умерла в 1879 г.

²⁰ Брат Леонида Алексеевича Ипполит Алексеевич Комаровский умер в 1875 г.

матические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII-го века» на степень магистра общенародного правоведения и тогда же начал преподавать эту науку вместо занимавшего кафедру начал общенародного правоведения по совместительству профессора кафедры законов благоустройства и благочиния В. Н. Лешкова. В соответствии с Университетским уставом 1863 г. кафедра начал общенародного права была переименована в кафедру международного права. Профессор Капустин занимал ее до 13 марта 1870 г.

Годы учебы Леонида Камаровского на юридическом факультете Московского университета пришлись на время, когда в России разворачивались крупные государственные преобразования. Для развития юридической науки наибольшее значение имела судебная реформа, начавшаяся с издания в конце 1864 г. «Учреждения судебных установлений», уставов уголовного и гражданского судопроизводства и «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Правовед С. В. Пахман отмечал в 1882 г. в речи «О современном движении в науке права», которую произносил в годовом собрании Санкт-Петербургского Юридического общества: «Серьезная потребность в юридическом знании, как известно, была признана у нас, собственно, с весьма недавнего времени, именно со времени судебной реформы, когда деятельность суда была изъята из области канцелярской тайны и стала доступна гласному контролю общественного мнения. Только с этого времени юридическая наука могла выступить с свойственным ей авторитетом»²³.

Круг научных интересов студента Камаровского был весьма обширен. Его привлекали к себе и государственное право, и древнеримская история²⁴. Но главным объектом его внимания стало международное право. Со студенческих лет и до конца своей жизни Леонид Алексеевич относился к этой науке так, будто это была его религия.

После окончания в 1868 г. университетского курса обучения Л. А. Камаровский был оставлен при кафедре международного права для подготовки к профессорскому званию. В 1869 г. его отправили для совершенствования познаний в юридических науках в двухгодичную командировку в университеты Германии и Австро-Венгрии. Возвратившись в Россию, Камаровский сдал в декабре 1870 г. магистерский экзамен и приступил к работе над магистерской диссертацией.

Проявившиеся в нем весной 1871 г. признаки заболевания туберкулезом заставили его прервать эту работу и снова уехать за границу. В течение полутора лет он проходил курс лечения в Швейцарии. По-

²³ Пахман С. В. О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 67.

²⁴ Теме экономического и финансового положения древнего Рима Леонид Камаровский посвятил свое кандидатское сочинение «Очерки Рима в финансовом и экономическом отношениях», опубликованное в виде книги в 1869 г.

правив свое здоровье, Леонид Алексеевич решил продолжить занятия международным правом и работу над магистерской диссертацией в Гейдельбергском университете под руководством Иоганна Каспара Блюнчли (*Johann Kaspar Bluntschli*, 1808—1881), который к тому времени приобрел известность такими работами в этой науке, как «Современное военное право цивилизованных государств»²⁵, «Современное международное право цивилизованных государств, представленное в виде кодекса»²⁶.

Профессор Блюнчли отнесся к молодому русскому ученому с большой приветливостью и охотно помогал ему своими советами и наставлениями. Камаровский в свою очередь испытывал к своему иностранному учителю огромное уважение несмотря на то, что не все его взгляды на международное право принимал. В предисловии к магистерской диссертации, датированном 14 августа 1874 г., он напишет: «Особенно я благодарен профессору Гейдельбергского университета Блюнчли, который с редкой готовностью руководил меня своими советами и снабжал меня книгами из своей библиотеки на время моего почти полуторагодового пребывания в живописном Гейдельберге. Дни, проведенные мною с этим достойным служителем науки, принадлежат к самым светлым воспоминаниям в моей жизни»²⁷.

Камаровский разделял взгляд Иоганна Блюнчли на возвышенную роль христианства в формировании международного права. В своей книге «Основные вопросы науки международного права» он привел следующее высказывание швейцарского ученого на этот счет, назвав его «прекрасным»: «Многие христианские идеи предрекали путь международному праву. Христианство видит в Боге Отца людей, а в людях — сынов Божиих. Этим в принципе признается единство человечества и братство всех народов. Христианская религия преклоняет гордость античного самодовольства и требует от людей смирения; она поражает их эгоизм в корне и учит их самоотречению; она ставит самопожертвование для ближних выше, нежели властвование над ними. Таким образом она устраняет препятствия, которые мешали возникновению международного права в Древности. Она действует на людей возвышающим и освобождающим образом, очищая их и примиряя с Богом. Она есть весть о мире. Отсюда было бы вполне естественно перевести эти идеи и заповеди на юридический язык и

²⁵ *Bluntschli J.* Das moderne Kriegerrecht der civilisierten Staaten. Nördlingen 1866.

²⁶ *Bluntschli J.* Das moderne Völkerrecht der zivilisierten Staaten als Rechtsbuch dargestellt. Nördlingen, 1867. Перевод этой книги на русский язык выйдет в 1877 г. под редакцией Л. А. Камаровского (*Блюнчли И.* Современное международное право цивилизованных народов, изложенное в виде кодекса / Пер. со второго немецкого изд. В. Ульяницкого, А. Лодыженского; под ред. гр. Л. Камаровского. М., 1877.

²⁷ *Камаровский Л. А.* Начало невмешательства. М., 1874. С. IV.

превратить их в принципы гуманного международного права, которое признает все народы членами одной великой семьи — человечества, охраняет повсюду мир на земле и требует даже во время войны уважения к общечеловеческим правам»²⁸.

14 октября 1874 г. Л. А. Камаровский прочитал на юридическом факультете Московского университета вступительную лекцию по международному праву «Замечания об отношениях международного права к другим отраслям правоведения»²⁹. Так началась его преподавательская деятельность, продолжавшаяся 38 лет.

5 декабря 1874 г. Л. А. Камаровский успешно защитил магистерскую диссертацию «Начало невмешательства». В своей речи на публичном диспуте по данному сочинению диссертант отметил, что оно является первым результатом его занятий по международному праву и политике. «Всякий, посвящающий себя изучению известной отрасли человеческого знания, — сказал он далее, — естественно обращает прежде всего внимание на общие и основные вопросы науки, им избранной. К таким вопросам бесспорно относится в сфере международного права начало невмешательства. С одной стороны, научное его понимание и значение раскрываются для нас в той мере, в какой мы глубже вникаем во всестороннее изучение государственной жизни и тех законов, которые ею управляют; с другой, практика на каждом шагу ставит нас лицом к лицу с вопросами о вмешательствах одного государства в дела другого»³⁰.

Камаровский показал, что вполне сознает странность попытки подвести вмешательства как проявления силы и своекорыстных расчетов государства, которое его совершает, под какие-либо правовые нормы права, ведь очевидно, что такие эксцессы имеют место тогда, когда «государства могут силою или ловкими интригами извлечь для себя пользу из смут и неурядиц своих соседей». Однако, пояснил он, «отказаться от желания юридически понять и определить различные виды вмешательств — значит в принципе предоставить все сношения между государствами господству одного грубого произвола — вывод, противоречащий основной идее международного права»³¹.

Стремясь выяснить, в чем заключается принцип невмешательства во внутренние дела других государств, Камаровский обратился сначала

²⁸ Цит. по: Камаровский Л. А. Основные вопросы науки международного права. С. 23.

²⁹ В октябре 1874 г. текст этой лекции был напечатан в газете «Московские ведомости». В 1875 г. он был опубликован в переводе на французский язык (*Kamarowsky L. A. Quelques réflexions sur les relations entre le droit international et les différentes branches de la jurisprudence // Revue de droit international et de législation comparée. 1875. Т. 7. П. 5–21.*

³⁰ Сборник государственных знаний / Под ред. В. П. Безобразова. Т. 2. Спб., 1875. Отдел критики и библиографии. С. 98–99.

³¹ Там же. С. 99.

ла к теориям, изложенным в иностранной литературе. После этого он рассмотрел отраженные в дипломатических документах случаи охранительного вмешательства во внутренние дела государств, имевшие место с конца XVIII в. (в условиях Великой французской революции) и по 20-е гг. XIX в. — в действиях государств, составивших в 1815 г. так называемый «Священный Союз». Содержание диссертации делилось соответственно на две части: «Очерк I. Вопрос о невмешательствах в литературе» и «Очерк II. Охранительные вмешательства». Такой порядок изложения содержания диссертации имел очевидный недостаток: описанные в ней научные теории невмешательства отрывались от практики межгосударственных отношений, что не позволяло дать им надлежащую оценку. Порочным был и избранный Камаровским национальный признак группировки данных теорий: так, он сначала излагал теории немецких писателей о невмешательствах (Карла Роттека, Генриха Роттека, Гейберга, Гефтера и Блюнчли), затем теории американцев (Витона, Лауренса и Кальво) и англичан (Вильдмана, Филлимора и Стэплтона), после них — теории французов (Прадье-Фодере, Верже) и итальянцев (Росси, Мамиани, Видари, Фьоре, Пьерантони и Амари), и наконец, точку зрения на принцип невмешательства русского правоведа М. Н. Капустина, изложенную им в книге «Обозрение предметов международного права» (М., 1856).

Явным пробелом диссертационной работы молодого правоведа было отсутствие в ней анализа так называемой «доктрины Монро» — провозглашенного в 1823 г. президентом США Джеймсом Монро³² в послании к Конгрессу принципа невмешательства США во внутренние дела европейских государств, а европейских государств — в дела американского континента³³.

Но самым большим недостатком магистерской диссертации Л. А. Камаровского было противоречие в основных ее положениях. Настаивая в своей работе на необходимости отличать вмешательство от посредничества и войны³⁴ и доказывая чрезвычайную опасность вмешательства во внутренние дела какого-либо государства со сто-

³² Джеймс Монро (James Monroe) занимал пост президента США в 1817–1825 гг.

³³ Дословно Джеймс Монро сказал следующее: “Our policy in regard to Europe, which was adopted at an early stage of the wars which have so long agitated that quarter of the globe, nevertheless remains the same, which is, not to interfere in the internal concerns of any of its powers; to consider the government de facto as the legitimate government for us; to cultivate friendly relations with it, and to preserve those relations by a frank, firm, and manly policy, meeting in all instances the just claims of every power, submitting to injuries from none. But in regard to those continents circumstances are eminently and conspicuously different. It is impossible that the allied powers should extend their political system to any portion of either continent without endangering our peace and happiness; nor can anyone believe that our southern brethren, if left to themselves, would adopt it of their own accord” (Compilation of the Messages and Papers of the Presidents / Ed. by D. Richardson. Vol. 2. Wash., 1907. P. 287).

³⁴ Камаровский Л. А. Начало невмешательства. М., 1874. С. 103.

роны другой иностранной державы, он вместе с тем признавал совершенно законным такое вмешательство на основании «высших требований общего человеколюбия», для защиты неких общечеловеческих интересов. Камаровский не учитывал, что столь неопределенное основание могло быть использовано на практике для оправдания любого вмешательства одного государства во внутренние дела другого государства. Наблюдаемые в наше время многочисленные случаи вмешательства США во внутренние дела других государств, отвечающие корыстным интересам правящих американских кланов и тех или иных группировок мировой олигархии, оправдываются именно защитой «общечеловеческих интересов».

Авторитетный русский правовед-международник Ф. Ф. Мартенс считал «все исключения из принципа невмешательства» «опасными». Но тем не менее допускал, что в некоторых случаях вмешательство во внутренние дела какого-либо государства со стороны иностранной державы могло иметь место. «К случаям такого вмешательства, — писал он, — можно отнести следующие: 1) когда вмешательство основано на трактате, например в том случае, когда известные государства взяли на себя поручительство в обеспечении устройства данной страны... Само собою разумеется, что поручительство за сохранение в другом государстве существующих порядков представляется совершенно ненормальным явлением. Но если оно основано на трактате, оно не может быть отрицаемо. 2) Если внутренний государственный переворот нарушает положительные законные права других держав... 3) Если вмешательство вызывается вмешательством другого государства (контр-вмешательство)»³⁵. Таким образом, в отличие от Камаровского, Мартенс считал законным основанием для вмешательства нарушение не интересов, а права.

Сам Камаровский весьма критически оценивал первый свой научный труд по международному праву. Он признавал, в частности, что по причине его молодости и неполноты добытых сведений результаты его исследования начала невмешательства «должны быть, очевидно, весьма недостаточны»³⁶.

В тексте магистерской диссертации Л. А. Камаровского нашли свое выражение не только его научные идеи, но и политические убеждения. Молодой ученый выступил здесь с критикой взглядов Фридриха-Арнольда Брокгауза (*Friedrich Arnold Brockhaus*, 1838 —?)³⁷,

³⁵ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Спб., 1882. Т. 1. С. 297.

³⁶ Камаровский Л. А. Начало невмешательства. М., 1874. С. 100.

³⁷ Правовед Фридрих-Арнольд Брокгауз был внуком знаменитого немецкого издателя Фридриха-Арнольда Брокгауза (1772–1823).

изложенных в книге «Принцип легитимации»³⁸. Немецкий правовед пытался доказать, что в основе легитимности того или иного властителя лежит сам факт обладания верховной властью. «Признаюсь, — отвечал на это Камаровский, — не могу согласиться с этим заключительным выводом Брокгауза: верховная власть не может считаться принадлежностью лишь того, кто наибольший смельчак: она и юридически получает свою санкцию либо от престолонаследия в неограниченных монархиях, либо из религиозных идей в теократиях, либо, наконец, от народного к ней уважения и любви в странах просвещенных. Народ как политическая живая личность не есть вещь, которой можно распоряжаться безответственно»³⁹ (выделено мною. — В. Т.).

* * *

В 1874 г. в жизни Л. А. Камаровского произошло еще одно знаменательное событие — он женился. Его избранницей оказалась княжна Екатерина Александровна Ширинская-Шихматова.

Род Ширинских-Шихматовых вел свое начало от татарских мурз Ширинских, имевших обширные земельные владения в Поволжье. Один из них — по имени Кинбар — поступил в 1485 г. на службу к государю всея Руси великому князю Ивану III. Его правнука звали Шихмат (после крещения Василий Келядемаевич), он жил в начале XVI века. Сын Шихмата — Иван Васильевич — был в середине XVI в. воеводой. Его потомки стали именоваться Ширинскими-Шихматовыми. В княжеском достоинстве этот род был окончательно утверждён Сенатом в 1836 г.

Дед Екатерины Александровны — Прохор Александрович Ширинский-Шихматов — был офицером, участником Отечественной войны 1812 г., в составе Русской армии 31 марта 1814 г. вступил в столицу Франции. В возрасте 45 лет он, полюбив тринадцатилетнюю дочь своего соседа по имению, увез ее к себе в дом и женился на ней. В возрасте 36 лет она умерла, родив пятерых сыновей и двух дочерей. Прохор Александрович пережил ее на сорок лет. Е. Л. Камаровская писала в своих мемуарах: «Я помню своего прадеда, маленького, сухого, сморщенного старика, который при приезде к дочери, бабушке, нагонял на всех трепет и какой-то холод. Он умер ста девяти лет, за 2–3 дня до этого катаясь верхом и делая верст десять»⁴⁰.

Брат Прохора Александровича — Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1855) был писателем, академиком Им-

³⁸ Brockhaus F. A. Das Legitimationsprinzip. Leipzig, 1868.

³⁹ Камаровский Л. А. Начало невмешательства. С. IV.

⁴⁰ Камаровская Е. Л., Камаровский Е. Ф. Воспоминания. М., 2003. С. 14.

ператорской Академии наук, в 1849–1853 гг. он занимал должность министра народного просвещения Российской империи. Другой его брат — Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783–1837) также проявил себя в литературном творчестве (как поэт) и являлся академиком. Закончил он свою жизнь архимандритом Новгородского Юрьева монастыря.

Сын Прохора Александровича — князь Александр Прохорович Ширинский-Шихматов (1822–1884) посвятил себя государственной службе на поприще народного просвещения, занимая должности директора 3-й московской гимназии (в 1854–1857 гг.), помощника попечителя и попечителя Виленского учебного округа (в 1857–1864 гг.), попечителя Киевского (в 1864–1867 гг.) и Московского (в 1867–1874 гг.) учебных округов, товарища министра народного просвещения (в 1874–1880 гг.). В 1876 г. он стал сенатором. Его женой была Екатерина Павловна Березникова (1832–1911). В их семье родилось семнадцать детей, из которых выжило только восемь: дочери Екатерина, Мария, Наталья, Варвара и сыновья Алексей, Сергей, Андрей, Дмитрий.

Екатерина Александровна не теряла связи со своими братьями и сестрами и после того, как вышла замуж. Ширинские-Шахматовы составляли поэтому круг общения и ее мужа Леонида Алексеевича Камаровского, и детей.

В 1878 г. у супругов Екатерины Александровны и Леонида Алексеевича родилась дочь Екатерина, в 1876 г. — сын Сергей, а в 1883 г. — дочь Мария. Все дети Камаровских получили хорошее домашнее образование: Екатерина смогла успешно сдать экзамены за полный гимназический курс и получить диплом домашней учительницы⁴¹, а Сергей поступил сразу в пятый класс Московского лицея и по его окончании на юридический факультет Московского университета⁴².

* * *

В 1878–1879 гг. Л. А. Камаровский находился в научной командировке во Франции, собирая материал для своей докторской диссер-

⁴¹ О своей судьбе Екатерина Леонидовна Камаровская (1878–1965) рассказала сама в своих мемуарах. Сохранилась только часть их, посвященная ее жизни до 1912 г., опубликованная впервые в 2003 г. (см.: *Графиня Камаровская. Воспоминания // Камаровская Е. Л., Камаровский Е. Ф. Воспоминания. М., 2003. С. 6–220*).

⁴² По завершении в 1901 г. университетского курса обучения Сергей Леонидович Камаровский будет оставлен при университете на юридическом факультете для приготовления к профессорскому званию на два года, без содержания (Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 463. Ед. хр. 31. Л. 19 об.). Впоследствии он выберет себе административное поприще и некоторое время будет работать земским начальником в Брестской и Московской губерниях, затем станет членом правления общества Московско-Казанской железной дороги. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

тации. Он решил посвятить ее проблеме международного суда. Идею такого учреждения Камаровский выводил из природы современного государства. Оно не может существовать, не вступая в общение с другими государствами. Но для регулирования межгосударственных отношений невозможно создать мировое центральное правительство, поскольку в этом случае государства перестанут быть государствами и превратятся в обыкновенные провинции некоего всемирного государства. Сущностным признаком современного государства является его суверенитет, отсюда вытекает, что международный союз, необходимый для упорядочения межгосударственных отношений, может выступать лишь в форме юридической, а не политической организации. Камаровский в полной мере сознавал, что международная жизнь не является повторением в больших масштабах жизни внутригосударственной; она возвышается над последней и как особая сфера существования человечества требует особой формы — юридической международной организации. Такая организация должна, считал Камаровский, вырасти из практики межгосударственного общения, а не являться результатом абстрактных теоретических построений. Ее первым ядром, вокруг которого будет кристаллизироваться международный юридический порядок, международное положительное право, должен был стать, по мнению Камаровского, международный суд как выразитель и носитель юридического принципа общения.

Исследуя проблему международного суда, Камаровский не ограничился поиском истоков его идеи и рассмотрением ее развития в научных трудах, но разработал модель этого учреждения, включающую в себя как теоретические основания, так и практические принципы его организации, внутреннего устройства и деятельности. Страницы его докторской диссертации, на которых описана эта модель, — самая ценная часть данного его произведения⁴³.

В 1881 г. Л. А. Камаровский успешно защитил свою докторскую диссертацию «О международном суде» на заседании Совета юридического факультета Московского университета. В том же году она была издана в виде отдельной книги. В 1887 г. ее перевели на французский язык и издали в Париже⁴⁴. По словам профессора У. Э. Батлера, «современники были восхищены разумностью и прагматичностью модели международного суда, предложенной Камаровским, и многие элементы данной модели были приняты Гаагским Постоянным Арбитражным Судом и Постоянным Судом Международного Правосудия. Книга Камаровского “О международном суде” заслужила в литературе по международному праву репутацию самого первого

⁴³ См.: *Камаровский Л. А. О международном суде. М., 1881. С. 519–538.*

⁴⁴ *Kamarovsky L. A. Le tribunal international / Trad. par S. de Westman. Paris, 1887.*

и беспрецедентного по своей основательности произведения на эту тему»⁴⁵.

Объясняя необходимость создания международного суда, Камаровский утверждал, что он станет высшим органом человеческой справедливости на земле и составит ядро и первое основание международной организации, в которой государства Европы и Америки будут состоять, не теряя своей независимости и национальности. «Только эта реформа, — подчеркивал он, — способна сделать международное право вполне положительным»⁴⁶. При этом Камаровский старался убедить, что международный суд сам по себе не представляет ничего особенно нового и страшного: он вытекает из тех же самых условий и соображений, которые все чаще заставляют государства предпочитать третейское разбирательство споров изворотам дипломатии и опустошениям войны. «Но он обращает неопределенный, от случая к случаю действующий, третейский суд в учреждение постоянное, управляемое юридическими принципами и дающее относительно своих членом все желательные гарантии»⁴⁷.

Руководящие принципы организации и деятельности международного суда Камаровский формулировал на основе начал устройства судебной власти в любом развитом государстве. На первое место среди них он ставил независимость суда, отмечая, что «в международной области суд должен быть равно независим как от сторон, дело коих он разбирает, так и от всяких политических течений и мнений вообще»⁴⁸. Вместе с тем, по его мнению, международный суд должен был строиться на принципе коллегиальности, как это происходит везде при организации судебной власти. В числе остальных начал международного суда он выделял: «устность и состязательность производства», «публичность», «начало двух инстанций».

Интересно, что Камаровский придавал международному суду также функцию правотворчества в области международного права. По его замыслу, данный суд «должен будет отыскивать в притязаниях сторон юридические элементы, облекать насколько возможно эти притязания в формы процесса, т. е. спора о праве, и подводить его под конкретные юридические принципы для установления между сторонами новых, на праве основанных отношений. В силу этого суд прежде всего прилагает существующее право, но при замечаемых им пробелах и противоречиях в нем заботится о составлении по указаниям и потребностям жизни проектов новых международных законов,

которые он тщательно вырабатывает при содействии, если нужно, компетентных и наиболее просвещенных государственных людей и юристов и препровождает их затем с подробными мотивами на рассмотрение и утверждение правительств»⁴⁹.

30 октября 1881 г. граф Л. А. Камаровский был утвержден Советом Московского университета в степени доктора государственного права и в звании ординарного профессора по кафедре международного права⁵⁰.

80–90-е гг. XIX в. были в жизни Камаровского временем интенсивной научной деятельности. Он более 30 раз выступил с докладами на заседаниях Московского Юридического общества. В различных периодических изданиях вышли десятки его статей («Институт международного права за последнее пятилетие. 1876–1881 гг.»⁵¹, «De l'idée d'un tribunal international»⁵², «Об идее мира между народами»⁵³, «Законы сухопутной войны»⁵⁴, «К учению о трактатах»⁵⁵, «О допущении и изгнании иностранцев»⁵⁶, «Об органах современных международных уний»⁵⁷, «Опыт кодификации частного международного права — конференция в Гааге 1893 г.»⁵⁸, «О значении войны для современного общества»⁵⁹, «Международное право как предмет самообразования»⁶⁰, «Вопрос о сокращении современных вооружений»⁶¹ и др.). Был опубликован целый ряд его книг и брошюр («О политических причинах войны в современной Европе». М., 1888; «О международных мерах борьбы с эпидемии». М., 1893; «Восточный вопрос». М., 1896; «Об основной задаче международного права». М., 1898; «Успехи идеи мира». М., 1898 и др.).

Самыми значительными работами Л. А. Камаровского указанного периода было исследование «Основные вопросы науки международного права», вышедшее в 1895 г. в десятом выпуске «Ученых

⁴⁹ Камаровский Л. А. О международном суде. С. 529–530.

⁵⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 50. Д. 223.

⁵¹ Юридический вестник. 1882. № 6. С. 171–200; № 7. С. 367–381. Институт международного права был создан учеными, специалистами по международному праву из Аргентины, Бельгии, Германии, Нидерландов, Италии, России (В. П. Безобразов), США и Шотландии в сентябре 1873 года в Генте (Бельгия). Л. А. Камаровский стал его членом-сотрудником в 1875 г. С 1891 г. он являлся действительным членом этого международного научного учреждения.

⁵² Revue de droit international privé et de droit penal international. Paris, 1883. P. 44–51.

⁵³ Русская мысль. 1884. № 7. Ч. 1. С. 120–135.

⁵⁴ Юридический вестник. 1885. № 8. С. 703–728.

⁵⁵ Там же. 1887. № 5. С. 114–123.

⁵⁶ Там же. 1889. Т. 3. № 12. С. 519–533.

⁵⁷ Русская мысль. 1892. № 12. Ч. 2. С. 161–182.

⁵⁸ Журнал Юридического общества. Спб., 1894. № 6. С. 1–18.

⁵⁹ Северный вестник. 1895. № 2. Ч. 1. С. 127–141.

⁶⁰ Сибирский вестник. 1895. № 12. С. 46–68.

⁶¹ Русская мысль. 1898. № 10. С. 118–121.

⁴⁵ Батлер У. Э. Граф Л. А. Камаровский и создание международного суда // Камаровский Л. А. О международном суде. М., 2007. С. XLII–XLIII.

⁴⁶ Камаровский Л. А. О международном суде. М., 1881. С. 459.

⁴⁷ Там же. С. 524.

⁴⁸ Там же. С. 519.

записок Императорского Московского университета по Юридическому отделу» и тогда же в виде отдельной книги, а также учебное пособие «Международное право», выпущенное в 1900 г.⁶² В этих произведениях ученый изложил свой взгляд на происхождение и сущность международного права, его содержание, объективные основания, его связь с другими юридическими науками, рассмотрел область применения международного права, научное и практическое значения его изучения.

По мнению Камаровского, международного права не существовало ни в Древности, ни в Средневековье. Оно начало формироваться лишь в раннее Новое время — с XVII в., когда сложились все необходимые для его зарождения объективные условия: во-первых, наличие многих государств; во-вторых, государств независимых друг от друга, обладающих суверенитетом; в-третьих, государств, связанных между собой общностью культуры. Камаровский придавал этому условию особое, системообразующее значение в формировании международного права. Оно могло возникнуть, считал правовед, лишь при условии осознания государствами «их солидарности в осуществлении общих им культурных задач»⁶³. Благодаря этой солидарности, независимо от политики, разъединяющей народы, «они стали сближаться общностью идей и интересов в некий союз, который в течение веков из простого фактического порядка переходит все определеннее в настоящий юридический союз. Идея такого союза как всякого общества, союза вообще, предполагает признание его членами принципа взаимного равенства и необходимости самоограничения в интересах общения. Начала эгоизма и грубой силы, характеризующие фактический порядок, таким образом уступают место началам общения и солидарности, которые и ведут к сношениям народов правильным и постоянным, т. е. организованным»⁶⁴.

В определении сущности международного права Камаровский исходил из понимания его как исключительно юридического явления. «Под международным правом, — писал Леонид Алексеевич, — следует разуметь совокупность норм, обязательных для государств и для их подданных в их отношениях друг к другу и вообще к остальным людям в качестве пока членов Международного Союза, но, говоря шире, всего человечества»⁶⁵. При этом термин «обязательный»

⁶² В 1905 г. оно было напечатано вторично «Обществом взаимопомощи студентов-юристов Московского университета».

⁶³ Камаровский Л. А. Международное право. М., 1900. С. 9.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Камаровский Л. А. Основные вопросы науки международного права. С. 6. Любопытно, что учитель Л. А. Камаровского Иоганн Блюнчли в своем определении международного права представлял его в качестве скорее политического, чем юридического явления. «Международное право, — писал швейцарский правовед, — есть признан-

ный мировой порядок, связывающий различные государства в одно общечеловеческое юридическое сообщество и обеспечивающий за подданными этих государств равную защиту их прав общечеловеческих и частных» (Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных народов, изложенное в виде кодекса. М., 1877. С. 65).

Камаровский выделял в структуре международного права три части, которые, как он считал, имеют тенденцию к превращению в отдельные науки.

К первой им были отнесены нормы, охраняющие интересы государств в целом и составляющие публичное международное право. В его состав Камаровский включил: 1) учение «о государствах вообще как международных личностях», об их возникновении, правах и прекращении; 2) учение о территориях государств, о международных договорах; 3) учение о конфликтах между государствами и различных способах их разрешения.

Ко второй части международного права Камаровский причислил нормы, охраняющие интересы частных лиц, пребывающих на иностранных территориях. По его мнению, данные нормы следует выделять в особую науку частного международного права и отличать от права публичного.

Третьей частью международного права Камаровский считал нормы, призванные охранять общественные интересы, которые выражают различные международные союзы, как то: телеграфный, почтовый, промышленный, литературный, железнодорожный и др. По словам ученого, юридические нормы, относящиеся к ним, «удобнее всего называть социальным международным правом, становящимся в середине между публичным и частным международным правом»⁶⁷.

Под объективными основаниями международного права Камаровский подразумевал такие условия его существования, которые не зависят от чьей-либо воли — будь то воля отдельных людей или могущественных держав. Это, по его мнению, в первую очередь «физические особенности Европы», во-вторых, «племенное родство европейских народов», в-третьих, «их родство духовное», в-четвертых, «параллельность всего их исторического роста и развития»⁶⁸.

ный мировой порядок, связывающий различные государства в одно общечеловеческое юридическое сообщество и обеспечивающий за подданными этих государств равную защиту их прав общечеловеческих и частных» (Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных народов, изложенное в виде кодекса. М., 1877. С. 65).

⁶⁶ Камаровский Л. А. Основные вопросы науки международного права. С. 6.

⁶⁷ Там же. С. 9.

⁶⁸ Там же. С. 17.

Камаровский признавал, что Россия является «особенным миром», что она во всяком случае «отличается более от остальной Европы, чем отдельные ее народы друг от друга». Данное отличие он объяснял не только обширностью России и ее положением среди двух миров: европейского и азиатского, но и иными условиями ее исторической жизни: принятием христианства не от Рима, а от Византии, многовековой ее борьбой с азиатскими хищниками, долгим обособлением от Европы и проч.»⁶⁹. «Но русские, как и славяне вообще, — отмечал он при этом, члены великой европейской семьи народов, во 1-х, вследствие того, что они христиане, и, во 2-х, потому, что они, как и романцы и германцы, принадлежат к арийцам и одарены общими им всем способностями. Поэтому международное право, хотя и выросло на почве Западной Европы, не может быть для России и для славянских народов чем-либо чуждым и еще более враждебным, но оно, уважая и признавая их особенности, соединяет все христианские народы в одну живую и великую семью»⁷⁰.

Рассматривая международное право как науку, Камаровский проводил в своей книге мысль о том, что оно есть «логический вывод из принципов всех других отраслей права и в то же время их естественное и глубокое завершение». В этом отношении, продолжал он, «международное право занимает в системе правоведения то же место и значение, которое, по отношению всех областей человеческого знания, принадлежит философии как дисциплине, их всех объединяющей и завершающей. Но есть между ними и важное различие, лежащее в том, что указанное положение международного права не есть только, как положение философии, чисто теоретическое, отвлеченное и логическое, — а прежде всего живое и поэтому разносторонне-реальное»⁷¹. Таким образом, в системе научной юриспруденции Камаровский отводил международному праву роль науки наук. И знание его основ он считал обязательным не только для юристов, но и для государственных деятелей, политиков, журналистов, пишущих на международные темы и др. «В интересах всех, — писал он, — желательно более широкое распространение среди образованных классов знания начал международного права. Этим в значительной степени просветится ум населения, умерятся страсти и окрепнет мир. Разные политиканы и борзописцы менее будут иметь возможность играть судьбами народов ради своих личных и темных целей»⁷².

19 декабря 1897 г. исполнилось 25 лет преподавательской деятельности Л. А. Камаровского в Московском университете. По уни-

⁶⁹ Там же. С. 30.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 84.

⁷² Там же. С. 91.

верситетскому уставу профессора, прослужившие такой срок, должны были избираться Советом факультета на каждое новое пятилетие, причем для того, чтобы считаться избранными, им необходимо было получить две трети голосов. Граф Камаровский успешно прошел эту процедуру и решением Совета юридического факультета от 26 февраля 1898 г. был оставлен на университетской службе еще на пять лет⁷³. 19 декабря 1899 г. ему было присвоено звание заслуженного ординарного профессора.

Последнее десятилетие жизни Л. А. Камаровского было, как и прежде, заполнено интенсивной научной деятельностью. В этот период вышли в свет такие его работы, как «Предложение России об ограничении вооружений» (Русская мысль. 1900. № 5. Ч. 2. С. 69–99), «Международное право в XIX веке» (М., 1901), «Современные штаты Европы: по вопросам о международной организации Европы» (Русская мысль. 1902. № 9. Ч. 2. С. 1–31), «По вопросу о международной организации Европы» (М., 1902), «Основные начала права войны» (М., 1904), «Право войны» (М., 1905) и др. Характеризуя творчество графа Л. А. Камаровского, В. Э. Грабарь писал: «Любовь к труду сделала из него самого плодovitого из русских международников, и не только русских. По складу своего ума он скорее популяризатор науки, чем оригинальный мыслитель. Но все его работы проникнуты одной мыслью, одним духом — беззаветной преданностью идее международного общения, международной организации, пацифизма. В этом смысле он представлял собою очень самобытную, оригинальную личность»⁷⁴.

* * *

12 января 1905 г. исполнялось 150 лет Императорскому Московскому университету. Русские ученые предполагали отметить эту торжественную дату целой серией юбилейных торжеств. Ими были подготовлены многочисленные «адреса» и «послания» в адрес старейшего университета России, в которых помимо поздравительных и славящих юбиляра сентенций излагались конкретные предложения о совершенствовании российской системы университетского образования. В самый же день юбилея в Санкт-Петербурге должен был состояться специальный банкет, на котором его организаторами планировалось зачитать предназначавшуюся для правительства и составленную от имени наиболее авторитетных в русском обществе ученых «Записку о нуждах просвещения». Кровавые события 9 января 1905 г. в

⁷³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 463. Ед. хр. 28. Л. 162–167.

⁷⁴ Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 2005. С. 391.

центре Санкт-Петербурга заставили ученых отменить намечавшиеся торжества в честь 150-летия Московского университета. Упомянутая же «Записка» была просто опубликована за подписью 342 лиц, среди которых было 16 действительных членов Императорской Академии наук, 125 профессоров и 201 приват-доцент высших учебных заведений России. Подписал данный документ и граф Л. А. Камаровский.

По содержанию это был настоящий политический манифест. Совершенствование системы образования ставилось в нем в прямую связь с полным и коренным преобразованием современного строя России на началах законности, политической свободы, народного представительства для осуществления законодательной власти и контроля над действиями администрации. Ученые, подписавшие его, вполне сознавали степень опасности этого своего поступка. Все они имели статус государственных служащих, с которым было сопряжено немалое количество материальных благ и который давал им возможность заниматься любимым творческим делом. «Всякому понятно положение человека, внезапно лишившегося средств существования, — писал К. А. Тимирязев, — но не всякому доступно оценить, чего лишает себя ученый не по мундиру только, который он носит, а по призванию, когда лишает себя обстановки, без которой немислима его деятельность»⁷⁵. И репрессии со стороны властей в отношении подписантов действительно готовились. В Министерстве народного просвещения обсуждалось применение к ним таких мер, как освобождение от должности или приостановление выдачи им жалованья. Президент Академии наук великий князь Константин Романов в своем циркулярном письме поставил подписантам на вид «внесение в науку политики и нарушение долга подданных» и рекомендовал им отказаться от жалованья, получаемого от «порицаемого правительства». Но ученые не дрогнули. «Мы считаем, что наша прямая обязанность была высказать, в чем мы видим исход из настоящего тяжелого состояния. На нас лежит этот нравственный долг перед отечеством, которому мы обязаны своим высоким положением, и перед народом, из средств которого составляется получаемое нами казенное содержание»⁷⁶, — ответил великому князю академик Алексей Ляпунов.

Дальнейший ход событий в России в течение 1905 г. заставил правительство забыть об оппозиционной «выходке» ученых. Политический кризис, особенно в Санкт-Петербурге и Москве, обострился настолько, что многие политические деятели заговорили уже о ре-

⁷⁵ Тимирязев К. А. Наука и демократия. М., 1968. С. 50

⁷⁶ Цит. по: Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов В. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т. 1. 1724–1917. М., 1977. С. 315.

волюции. В этих условиях самодержавная власть пошла на уступки обществу: 17 октября 1905 г. был издан «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», вменивший в обязанность правительства «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Сразу после этого в России стали возникать политические партии. Первой среди них оформилась конституционно-демократическая партия. Ее учредительный съезд прошел с 12 по 18 октября 1905 г. Он объявил партию образовавшейся и принял ее программу. В состав этой партии вошли многие правоведа.

Граф Л. А. Камаровский не остался в стороне от развернувшегося в России партийного движения. Он решил связать свою политическую судьбу с партией «Союз 17 октября», которая начала организационно оформляться с конца октября 1905 г., а свой первый съезд провела в феврале 1906 г. В программе партии, принятой на этом съезде, политическим идеалом октябристов объявлялась «наследственная конституционная монархия, в которой император как носитель верховной власти ограничен постановлениями Основных законов». Данный идеал в полной мере разделял и Л. А. Камаровский, входивший в состав Центрального Комитета партии «Союз 17 октября» и занимавший некоторое время пост товарища председателя партии А. И. Гучкова.

На 3-м Всероссийском съезде партии октябристов, проходившем в Москве в зале Политехнического общества на Мясницкой улице с 4 по 8 октября 1909 г., граф Камаровский выступил с приветственным словом по случаю открытия заседаний съезда и с докладом, представленным от имени секции Центрального Комитета Союза 17 октября по вероисповедным вопросам.

Текст этого доклада был написан самим Леонидом Алексеевичем, в нем отражались его воззрения на взаимоотношения государства с церковью. «Свобода вероисповедания, — говорил он, — понимается как признаваемое государством право каждого беспрепятственно исповедовать свою веру и проявлять ее в обрядах культа совместно с другими лицами, исповедующими ту же религию. Но такая свобода не может быть безусловной. Она не равносильна отделению церкви от государства. Наше государство как государство христианское должно оказывать христианству особое покровительство, так как начало христианской религии — главная опора человеческих законов и основа гражданского порядка. Как в государстве русском, греко-восточному православию должно быть предоставлено первенствующее и господствующее положение, так как православная вера исторически связана с судьбами русского государства и составляет основу миросо-

зерцания огромного большинства русского народа»⁷⁷. При этом Камаровский особо подчеркивал в своем докладе, что «преимущества господствующей православной церкви не должны иметь характера преследования других религий»⁷⁸.

Состояние русской церковной организации Камаровский оценивал весьма критически. В числе главных ее недостатков он выделял, в частности: «1) ослабление живой связи между членами церкви; 2) отсутствие самодеятельности во внутренней жизни церковного общества; 3) преобладание во всех областях церковной жизни крайнего формализма и бюрократизма и 4) чрезмерное влияние государства, лишшающее церковь должной свободой и независимости»⁷⁹.

В 1909 и 1910 гг. в жизни Л. А. Камаровского произошло сразу несколько событий, которые свидетельствовали об общественном признании его научных заслуг в области международного права. В 1909 г. он был назначен императором Николаем II членом (от России) Постоянной Палаты Третейского суда — международного арбитражного органа, учрежденного в 1899 г. в Гааге на основе конвенции о мирном разрешении международных столкновений. 4 декабря 1910 г. его избрали членом-корреспондентом Петербургской академии наук по разряду историко-политических наук историко-филологического отделения (в академии отсутствовал разряд юридических наук).

В 1909 г. Л. А. Камаровский был избран на должность декана юридического факультета Московского университета. При этом недостаток денежных средств заставлял его читать лекции не только в стенах своей alma mater, но и в Народном университете имени А. Л. Шанявского и на Высших женских юридических курсах.

В конце 1910 г. по университетам Российской империи покати-лась волна студенческих митингов и забастовок. Стремясь предотвратить превращение учебных заведений в политические клубы, Министр народного просвещения Л. А. Кассо подготовил циркуляр «О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений», который был издан от имени Совета министров 11 января 1911 г.⁸⁰ Согласно циркуляру, в стенах высших учебных заведений России запрещалось проводить студенческие собрания и митинги, в случае же, если этот запрет нарушался, на градоначальников возлагалась обязанность принимать с помощью полиции быстрые и решительные меры для восстановления правопорядка.

⁷⁷ Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Т. 2. 1907–1915 гг. М., 2000. С. 100.

⁷⁸ Там же. С. 101.

⁷⁹ Там же. С. 100.

⁸⁰ См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Ч. 32. С. 41–43.

15 января Совет Московского университета, заслушав на своем заседании предложения управляющего Министерством народного просвещения по исполнению на практике Постановления Совета министров от 11 января 1911 г., принял решение: объявить студентам о необходимости иметь при себе входные билеты, позволять в стенах университета исключительно собрания научного характера. Эти меры оказались недостаточными для наведения в Московском университете надлежащего порядка. 27 января группа агрессивных настроенных студентов начала здесь забастовку. Не только преподаватели, но и многие студенты не поддержали ее⁸¹. Стремясь вовлечь в противоправительственную акцию как можно больше молодых людей, ее организаторы запугивали тех студентов, кто хотел учиться и не желал принимать какого-либо участия в политических мероприятиях. Дело доходило до того, что студентов, уклонявшихся от участия в митингах и забастовке, оскорбляли и даже били, не пускали в учебные аудитории.

Ректор Московского университета А. А. Мануйлов не захотел или не смог восстановить должный порядок во вверенном ему учебном заведении. В результате эту функцию взял на себя Московский градоначальник. Он послал в университетские здания полицейских. Руководство университета восприняло эти вполне логичные действия градоначальника и полиции как грубое нарушение университетской автономии. 28 января состоялось чрезвычайное заседание Совета университета, на котором ректор А. А. Мануйлов «представил совету доклад о создавшемся в университете положении и заявил, что при таких условиях он не видит возможности нести на себе обязанности ректора и подает прошение об отставке. Такие же заявления были сделаны помощником ректора М. А. Мензбиром и проректором П. А. Минаковым. Совет <...> признал, что при создавшемся положении выборная университетская администрация не может нести возложенные на нее обязанности»⁸².

1 февраля Министр народного просвещения Л. А. Кассо принял отставку руководства Московского университета. На следующий день в «Правительственном вестнике» был опубликован Высочайший указ «об увольнении А. А. Мануйлова, М. А. Мензбира и П. А. Минакова от административных должностей». Одновременно им воспрещалось заниматься научной и преподавательской деятельностью в университете.

Исполняющим обязанности ректора Московского университета был назначен декан юридического факультета Л. А. Камаровский.

⁸¹ В январе 1911 г. в Московском университете обучалось в целом 9940 студентов, на юридическом факультете — 3 890 студентов.

⁸² Русские ведомости. 1911. 29 янв.

Ему удалось вернуть в университет целый ряд ушедших из него в знак солидарности с прежним ректором преподавателей, он сумел добиться от властей выполнения правила, по которому полицейские могли входить в университетские здания только по просьбе руководства университета.

Выборы нового ректора Московского университета были назначены на 22 апреля 1911 г. Леонид Алексеевич собирался участвовать в них, и он несомненно был бы избран на этот пост, но судьба оказалась немилосердна к нему. Нелепый трагический случай не позволил графу Камаровскому стать ректором Московского университета. Екатерина Леонидовна в своих мемуарах описала произошедшее с ее отцом следующим образом: «Он шел на выборы в ректоры в университет и, имея ослабленный слух на одно ухо, попал под трамвай во время перехода через дорогу. Я живо помню всякую деталь этого случая и все, что тогда пережила. У меня до сих пор сохранились многочисленные вырезки из газет, где подробно описывался этот случай с отцом. Выборы ректора были отложены ввиду этого, а затем папа снял совсем свою кандидатуру по болезни»⁸³.

30 апреля 1911 г. на должность ректора Московского университета был избран профессор русской истории Матвей Кузьмич Любавский.

Леонид Алексеевич Камаровский после трагического случая, произошедшего с ним 22 апреля 1911 г., так и не поправился. Из-за общего ослабления организма в нем обострилась никогда, кажется, его не покидавшая болезнь легких — туберкулез. 8 декабря 1912 г. он скончался, прожив на этом свете 66 лет и девять месяцев без недели.

3

Более ста лет прошло после ухода из жизни Л. А. Камаровского, но его мысли о международном праве сохраняют свое значение.

Он понимал, что в этом мире есть много такого, что недоступно ни уму, ни воле людской, что совершается не по желаниям народов и не по власти их правителей, а по некоему закону, действующему в мире как природная стихия и превосходящему своей мощью все когда-либо созданные людьми правовые нормы. Этот закон Камаровский признавал главным регулятором межгосударственных отношений, связывающим своей обязательной силой не только индивидов, но также государства и даже целые народы. Его истоки он обнаруживал в самом строе международной жизни, который предполагает обязанность взаимного уважения и взаимного содействия народов друг другу. «Народы как собирательные личности живут в государствах, — писал Камаровский, — а последние в силу названной обязанности

должны воздерживаться не только от всяких действий, посягающих на честь, права и интересы других государств, их органов и подданных, но и не позволять себе поступков, слишком часто совершаемых на практике, не караемых формальным правом (крайне еще несовершенно), но которые тем не менее являются тяжкими нравственными преступлениями, потому что они отрицают собою основы общезжития»⁸⁴. Русский правовед относил к таким поступкам:

1. «Угнетение слабейших народов или даже национальностей путем ли их завоевания или неуважения их справедливых требований, или же обращения их в орудие для собственных, но для них самих чуждых целей».
2. «Стремление по зависти и недоброжелательству задержать внутреннее развитие других государств» путем тайных подкупов иностранных чиновников, «ведения интриг с вожаками партий», «одобрения или поощрения населения к восстанию» против законной власти, «содержания на чужой территории тайных агентов — подстрекателей» и т. д.
3. «Препятствование развитию мирных сношений между народами по неверному представлению о собственной независимости или по лени и недомыслию».
4. «Начатие государством войны без предварительного обращения ко всем мирным способам и в особенности к третейскому суду для решения возникших у него с другими государствами недоразумений».

Назвав войну в числе тяжких преступлений, Камаровский сделал следующую весьма важную оговорку: «Самая война при существующих несовершенных порядках допустима как крайняя оборона основных прав народов на независимость и свободу. Но с точки зрения чистого христианства и абсолютной нравственности война, конечно, не должна иметь места, в особенности между цивилизованными народами»⁸⁵.

Эти и многие другие суждения Камаровского можно считать идеалистическим и даже утопическим гуманизмом, ведь человеческое общество так устроено, что все доброе и гуманное в нем кажется идеализмом и утопией, а злое и жестокое — объективной реальностью. С. А. Котляревский, оценивая вклад Камаровского в международно-правовую науку, указал: «Гр[аф] Л[еонид] А[лексеевич] принес в изучение вопросов международного права настроение гуманитарно-идеалистическое. Он верил, что конечным законом человеческого

⁸³ Графиня Камаровская. Воспоминания. С. 149.

⁸⁴ Камаровский Л. А. Христианская нравственность и международные сношения. С. 816.

⁸⁵ Там же. С. 817.

общежития не может быть истребительная борьба и разнузданный эгоизм. Отсюда его твердое убеждение в возможность постепенного осуществления всеобщего мира. Менее всего был граф Л[eonид] А[лексеевич] похож на распространенный тип в Германии профессора международного права, — профессора, главный пафос которого лежит в прославлении войны. Может быть, этот идеализм представлялся иногда почти странным на фоне международной действительности, где до сих пор решающее слово принадлежит в конце концов силе. Когда Л[eonид] А[лексеевич] сталкивался с подобной действительностью..., он возмущался, скорбел, но не терял веры»⁸⁶.

Мысли Камаровского, которые представляются идеалистическими и утопическими, на самом деле отражали настоящую реальность, но не ту, которая выражается в международных преступлениях, в военной агрессии или просто враждебных действиях одного государства против другого, в использовании государственной власти для физического, экономического и культурного уничтожения целых народов, в ограблении населения других стран и т. д. Идеалистический гуманизм русского правоведа опирался на глубокое понимание им настоящей сущности человеческого общества. Это понимание приводило его к выводу о том, что вражда между народами, истребительные и все разрушающие войны между странами, паразитическое существование одних государств за счет других подрывают устои человеческого общежития, ведут к гибели человечество. Какими бы идеалистическими и утопическими ни казались мысли Камаровского о международных отношениях, его идеи всеобщего мира, построения мирового порядка на правовых и нравственных началах в полной мере соответствовали основам человеческой цивилизации. Они обозначали реальные условия существования человеческого сообщества, способные обеспечить его дальнейшее прогрессивное развитие.

Список литературы

1. *Грaбарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / Под ред. У. Э. Батлера, В. А. Томсинова. М., 2005.
2. *Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф.* Воспоминания. М., 2003.
3. *Камаровский Л. А.* Война или мир? Одесса, 1895.
4. *Камаровский Л. А.* Идея мира и Церковь. М., 1899.
5. *Камаровский Л. А.* Международное право. М., 1900.
6. *Камаровский Л. А.* Начало невмешательства. М., 1874.
7. *Камаровский Л. А.* Об основной задаче международного права. М., 1898.

⁸⁶ *Котляревский С. А.* Несколько слов памяти гр. Л. А. Камаровского (1846–1912) // Юридический вестник. 1913. Кн. 4. С. 222–223.

8. *Камаровский Л. А.* О международном суде. М., 1881.
9. *Камаровский Л. А.* Основные вопросы науки международного права // Учен. зап. императорского Моск. ун-та. Вып. 10. М., 1895.
10. *Камаровский Л. А.* Христианская нравственность и международные сношения // Вера и Церковь. Духовный богословско-апологетический журнал. 1903. Кн. 5.
11. *Котляревский С. А.* Несколько слов памяти гр. Л. А. Камаровского (1846–1912) // Юридический вестник. 1913. Кн. 4.
12. *Яценко А. С.* Граф Л. А. Камаровский. Жизнь и научная работа // Известия Министерства иностранных дел. 1913. Кн. 1.
13. *Bluntschli J.* Das moderne Völkerrecht der zivilisierten Staaten als Rechtsbuch dargestellt. Nördlingen, 1867.
14. *Brockhaus F. A.* Das Legitimationsprincip. Leipzig, 1868.
15. *Kamarovsky L. A.* Le tribunal international / Ouvrage traduit par Serge de Westman. Paris, 1887.
16. *Kamarowsky L. A.* Quelques réflexions sur les relations entre le droit international et les différentes branches de la jurisprudence // Revue de droit international et de législation comparée. 1875. Tome VII. P. 5–21.